

Я.И. ГИЛИНСКИЙ

ДЕВИАНТОЛОГИЯ ПОСТМОДЕРНА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

ГИЛИНСКИЙ Яков Ильич – доктор юридических наук, профессор Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры РФ, Санкт-Петербург, Россия (yakov.gilinsky@gmail.com).

Аннотация. Хотя социология девиантности и социального контроля активно развивается за рубежом и в нашей стране с 1960–1970-х гг., ей не хватает осмысления текущих тенденций в контексте долгосрочных изменений современного общества. Автором дан обзор последствий влияния основных особенностей общества постмодерна (социального неравенства, массовой миграции, социальной раздробленности общества и особенно виртуализации жизни) на различные проявления девиантности – на преступность, наркотизм, проституцию, самоубийства и др. Высказаны предложения о дальнейшем развитии российской девиантологии как социологии девиантности и социального контроля.

Ключевые слова: постмодерн • девиантное поведение • девиантология • социология девиантности

DOI: 10.31857/S0132162524060109

Немного о девиантологии. Социология девиантности и социального контроля (sociology of deviance and social control) – относительно молодая наука. Хотя отдельные представления (философские, экономические, психологические, социальные и др.) о нежелательных явлениях существовали, конечно, издавна [Гилинский, 2021: 64–129], почти все основополагающие работы этого направления относятся ко времени после Второй мировой войны [Akers, 1985; Downes, Rock, 1988; Higgins, Butler, 1982; Hirschi, 1969; Liazos, 1972; Schur, 1971; Sumner, 1994]. Ее объект – различные деяния людей, отклоняющиеся от «нормы», нарушающие общепринятые или установленные государством нормы поведения (преступления, потребление наркотиков, злоупотребление алкоголем, проституция, самоубийства, коррупция, терроризм, но и... творчество [Творчество как позитивная девиантность, 2015]).

В 1974 г. в рамках Международной социологической ассоциации создается 29-й исследовательский комитет по «Deviance and Social Control», с 1979 г. начал выходить специализированный междисциплинарный журнал «Deviant Behavior». И только в 2001 г. опубликована первая четырехтомная «Encyclopedia of Criminology and Deviant Behavior» под редакцией К. Брайанта.

В России самые первые статьи по «отклоняющемуся поведению» Я.И. Гилинского вышли еще в 1971 г. Позднее в процессе развития отечественной девиантологии формируются ее подотрасли: экономическая девиантология (Р. Оленев и др.), военная девиантология (В. Вагин, С. Ворошилов, Я. Гилинский, Д. Клепиков, А. Тюриков), ювенальная девиантология (Г. Забрянский, А. Комарницкий, А. Салагаев), психология девиантного поведения (Ю. Клейберг, Е. Змановская, И. Горьковая, И. Первова и др.), пенитенциарная девиантология (И. Осинский, М. Гайдай), география девиантных проявлений (А. Габiani, Е. Демидова). Однако российской девиантологии не хватает осмысления современных особенностей отклоняющегося поведения в контексте долгосрочных – можно сказать, формационных – изменений общества в целом (примером таких подходов могут быть работы [Честнов, 2002; 2012]). Автор попытается далее дать эскиз такого подхода, который можно условно назвать *формационной девиантологией*.

Постмодерн как среда современной девиантности. Человечество на протяжении всей своей истории проходит различные стадии развития. Со второй половины XX в. мы погрузились в эпоху постмодерна (см., напр., [Андерсон, 2011]). Его особенности влияют на все проявления человеческой жизнедеятельности и на их понимание (подробнее см.: [Гилинский, 2017; 2024]).

Одна из основных особенностей постмодерна – появление *виртуального мира*, наряду с реальным. Мы все живем параллельно в реальном и виртуальном мире. Другая особенность постмодерна – *массовая миграция* населения, что не может не влиять на жизнь как «коренных» народов, так и мигрирующих. *Глобализация* экономических, финансовых, технологических процессов приводит к глобализации и негативных и позитивных (творчество) девиантных проявлений.

Самое главное – это изменение социальной структуры: традиционные неравенства (рабы – рабовладельцы, крепостные крестьяне – феодалы, наемные рабочие – капиталисты) сменяются новым разделением современного общества. Это – с одной стороны, меньшинство *включенных* в активную экономическую, социальную, политическую и культурную жизнь (*included*), и, с другой стороны, большинство *исключенных* из нее (*excluded*). По вполне обоснованному мнению С. Жижека, «противостояние исключенных и включенных является ключевым» [Жижек, 2011: 34]. Иными особенностями постмодерна, влияющими на бытие людей, являются технологическая революция, неопределенность всего сущего и наших знаний, фрагментаризация мышления как результат фрагментаризации бытия, консьомеризация сознания и жизнедеятельности, шизофренизация сознания и др.

Особенности современного общества постмодерна влияют на все проявления девиантности. В качестве примера сошлюсь лишь на глобализацию криминальной девиантности. Глобализация экономики, финансов, технологий сопровождается глобализацией преступности – развитием международной торговли наркотиками, оружием, людьми (включая женщин для занятия проституцией), человеческими органами и другими контрабандными товарами. Все это – широкое поле деятельности, прежде всего, международных преступных организаций и взаимодействия национальных преступных организаций разных стран.

С 1950-х гг. широко распространена международная торговля наркотическими средствами. Основные «поставщики» героина – страны «Золотого полумесяца» (Афганистан и Пакистан), кокаина – страны «Андского треугольника» (Колумбия, Перу, Боливия). Распространение гашиша и марихуаны носит более интернациональный характер, как и торговля химическими наркотиками. Что касается международной торговли женщинами (для занятия проституцией), то, по некоторым данным, во второй половине XX в. было четыре мировые «волны», соответствующие активному втягиванию в современную мир-систему ранее периферийных наций: первая волна шла из Таиланда и Филиппин, вторая – из Доминиканской Республики и Колумбии, третья – из Ганы и Нигерии, четвертая – в 1990-х из стран бывшего СССР (Россия, Украина, Белоруссия, Латвия). Наряду с этими двумя общеизвестными контрабандными промыслами, наркотрафиком и международной проституцией, есть и менее известные: нелегальная международная торговля похищенными транспортными средствами, технологическими достижениями, редкими животными, контрабанда подакцизных товаров (например, табачных изделий) и т.д.

Далее внимание будет сосредоточено в основном не на проявлениях, а на «постмодерновых» причинах девиантности.

Социальное неравенство. *Неравенство «включенных» и «исключенных»* – один из важнейших криминогенных и девиантогенных факторов. Так, по данным МВД РФ¹, из общего числа осужденных за последние годы доля лиц, «не имеющих постоянного источника доходов», составляла 63–69%, а среди осужденных за убийства – 72–75%. Но это только лица, не имеющие постоянного источника доходов. А если имеют

¹ Здесь и далее при изложении статистики преступности автор ссылается на данные ежегодников «Состояние преступности в России» (М.: МВД РФ, ФКУ ГИАЦ).

постоянный источник дохода ниже официального прожиточного минимума? А если лишь немногим выше этого прожиточного минимума? Это все – «исключенные», люди без достаточного дохода, не участвующие в активной экономической, политической, культурной (где средства ходить в музеи, театры, путешествовать, покупать книги и т.п.?) жизни страны. Таких в современной России, скорее всего, большинство.

В 1970-е гг. автору приходилось изучать сотни материалов по фактам самоубийства в тогдашнем Ленинграде. Во многих материалах были предсмертные записки суицидентов. Одна из таких записок поразила меня. Простой рабочий с невысоким образовательным уровнем писал своему сыну: «*Сашенька шагни дальше отца как можно дальше отца по социальной лестнице*» (орфография сохранена). Как этот несчастный «исключенный» мог догадаться о том, что не всегда понимают ученые мужи?! Только продвижение вверх по социальной лестнице позволит вырваться из «исключенных» во «включенные». Но возможности «вертикального лифта» сегодня в России крайне ограничены. И максимальный коэффициент суицидального риска все так же остается именно у «исключенных» – у россиян с невысоким образовательным уровнем, с низким доходом, безработных [Ушакова, 2008; Черепанова, 2012].

Эта тенденция была хорошо видна еще в позднесоветский период. В частности, сравнительный анализ результатов эмпирических исследований тяжких насильственных преступлений, самоубийств и пьянства в Ленинграде показал, что максимальный коэффициент криминальной, суицидальной и алкогольной активности оказался у одной и той же социально-демографической группы населения – мужчины, *рабочие*, среднего возраста [Проскурнина, 1985].

Массовая миграция. Массовизация внутренней и внешней миграции вызывает массовый «конфликт культур», о котором писал Т. Селлин еще в прошлом веке [1966: 282–287]. Огромное количество мигрантов – людей других этносов, иных религий и культур, нежели коренное население, – не может не порождать конфликты, вызывающие взаимное неприятие, оскорбления, драки вплоть до вооруженных столкновений и террористических актов. Ситуация усугубляется тем, что приезжие, мигранты оказываются, как правило, в числе «исключенных» – основных субъектов девиантных проявлений.

Вот пример из зарубежного опыта, существенно объясняющий и некоторые российские реалии. Как известно, «новым словом» в организации терактов стал случай в Ницце в июле 2016 г., когда молодой мигрант-тунисец на грузовике врезался в толпу людей, в результате чего почти 90 человек погибли и несколько сотен получили ранения. Комментируя это, один из авторов «Живого журнала» написал, что «террористом в Ницце оказался неудачник-разведенка с целым букетом проблем и комплексов. Ницца – это солидное тихое место для солидных господ, в котором понятие “бюджетное жилье” начинается с уровня, который в любом другом месте будет считаться respectable и элитным... Фактически перед нами – классический свихнувшийся неудачник, реализовавший свои комплексы и ненависть к окружающему богатому и равнодушному миру»². Другой пример – своего рода анклав квартала Моленбек в Брюсселе, известный высокой концентрацией представителей мусульман, ставший центром терроризма европейского масштаба. В этом районе сконцентрировались беднейшие слои населения, которые «притягивали бедное обслуживание, бедное образование. А бедное плохое образование выталкивает людей из общественной жизни, воспроизводит, точнее, создает заново социально-религиозную, социально-расовую дискриминацию... Конечно, такой род замкнутых кварталов – это котел, который формирует резервы террористов»³.

Сказанное – не защита преступного поведения мигрантов, а попытка объяснить происходящее. Этому мнению придерживается и такой компетентный практик, как

² Маленький человек. URL: <http://el-murid.livejournal.com/2883448.html> (дата обращения: 25.04.2024).

³ Почему террор набирает обороты в развитом мире? Объясняет политолог и этнограф Эмиль Паин. URL: <https://evolkov.net/moodle/mod/forum/discuss.php?d=1393> (дата обращения: 27.05.2024).

вице-президент Международной ассоциации ветеранов подразделения антитеррора «Альфа» А. Филатов: «Дело в том, что террористами люди не рождаются, а становятся по каким-то причинам. Надо искать эти причины и устранять их. [...] Терроризм – это средство борьбы, как правило, слабой стороны против сильной. Если мы в разы не уменьшим угрозу, если будут условия, толкающие людей на эту сторону, террористы всё равно будут просачиваться»⁴.

Не следует также забывать, что насильственные действия осуществляют не только мигранты, но и «коренные граждане» против мигрантов. Не говоря уже о тех условиях проживания и работы, которые, как правило, предоставляются мигрантам.

Раздробленность общества. Постмодерну присуща *фрагментаризация* населения. Основное деление общества постмодерна, как уже говорилось, – на включенных и исключенных. Но те и другие делятся, в свою очередь, на многочисленные *фрагменты* по возрасту, гендеру, образованию, профессии, месту жительства и другим критериям. И каждый фрагмент имеет свои представления о дозволенном и не дозволенном, допустимом и не допустимом, правильном и не правильном. Соответственно, что «нормально» для одних – то отклонение (девиантность) для других. Это существенно осложняет взаимопонимание, правотворчество и правоохранительную деятельность.

Так, представления о допустимом/недопустимом у подростков и молодежи существенно отличается от правосознания старших поколений. Такой разрыв был всегда, но сегодня он особенно велик в силу скорости изменений в мире, разнице понимания в мире реальном и виртуальном. Молодежные сети в Интернете формируют миропонимание и правосознание, существенно отличные от привычного мировоззрения старших поколений. Непонимание между родителями и детьми стало «нормой». К сожалению, возрастное взаимонепонимание находит отражение и в правотворческой деятельности. Ведь законодатели, как правило, – люди старшего возраста, и нередко результат их законодательной деятельности противоречит новаторским – и подчас более прогрессивным, более современным – представлениям молодежи.

На чьей стороне, на стороне каких фрагментов должны стоять государство, закон, правоохранительные органы? Сейчас, в частности, осуществляется противодействие гомосексуалистам, ЛГБТ. Однако сексуальные взаимоотношения – личное дело каждого, государство не должно вмешиваться в личную жизнь граждан. Другой пример – бесконечные дискуссии, можно или нельзя разрешать школьникам и студентам пользоваться смартфонами во время занятий. Но ведь виртуальная действительность охватывает сегодня всех. Есть позитивные и негативные стороны этого. Применительно к разнообразию мнений фрагментов социума, нельзя не отметить, что пользование Интернетом и смартфонами стало уже неотъемлемой частью жизни, особенно у подростков и молодежи.

Виртуализация бытия. В эпоху постмодерна мы все живем в двух параллельных мирах – реальном и виртуальном. Это – одна из существеннейших новаций постмодерна, идущая от смартфонов и Интернета к искусственному интеллекту.

С появлением виртуального мира преступность, наркотики, проституция быстро переходят в него. Это проявляется, в частности, в... сокращении «видимой», привычной уличной преступности (*street crime*) во всем мире с конца 1990-х – начала 2000-х гг., когда стали активно развиваться интернет-сети. Так, в России, по данным МВД РФ, количество зарегистрированных преступлений сократилось с 3 855 373 в 2006 г. до 1 966 795 в 2022 г., т.е. почти в два раза. А количество зарегистрированных убийств сократилось с 33 583 в 2001 г. до 7 628 (в 4,4 раза ниже!) в 2022 г., умышленного причинения тяжкого вреда здоровью – с 58 469 в 2002 г. до 17 388 (в 3,4 раза), разбойных нападений – с 63 671 в 2005 г. до 39 72 (в 16 раз!!!), грабежей – с 357 302 в 2006 г. до 29 209 (более чем в 12 раз).

⁴ «Бороться с терроризмом на входах в метро и аэропорты – неэффективно» // Известия. 10.04.2017. URL: <https://iz.ru/news/675879> (дата обращения: 27.05.2024).

Однако преступность не исчезла, а перешла в виртуальный мир. Так, количество преступлений с использованием компьютерной и телекоммуникационной техники выросло в России в 2018 г. на 92,8%, в 2019 г. – еще на 68,5%, в 2020 г. – на 73,4%. Дальнейший рост сократился, но продолжился. Количество фактов зарегистрированного мошенничества выросло с 69 346 в 2002 г. до 343 085 в 2022 г. (рост почти в пять раз). И это – при высокой латентности такого рода преступлений. Так, по данным Европейского общества криминологов, если средний уровень раскрываемости «обычных» преступлений в Европе составляет 42–46%, то киберпреступлений – всего 4–5%. Немногим отличается ситуация в России. Так что реальный рост мошенничества в России можно увеличить в десяток раз.

Все это не удивительно. Подростки и молодежь – основной субъект «уличной преступности». Но выбежать на улицу с ножом и ограбить пенсионерку на 100–200 рублей – рискованно (особенно в условиях массовости камер слежения) и маловыгодно. Зато, сидя дома за компьютером и попивая кофе, снять десяток тысяч долларов в банке соседней страны – менее рискованно и гораздо более выгодно. Правда, стать хакером всё же сложнее, чем уличным грабителем.

Интернет предоставляет невиданные раньше возможности для девиантных действий. Интернет буквально забит сообщениями о наркотиках, проститутках и порнографии. Нажатием нескольких клавиш компьютера получаешь возможность приобрести наркотики, «полюбоваться» фильмами БДСМ, получить телефон доступных девушек в своем городе. (Автор провел простой эксперимент для понимания распространенности «доступных девушек» в городе, где он живет: набрал запрос в компьютере и немедленно получил десятки фотографий с указанием возраста, роста, веса, бюста, стоимости за час и за ночь, номеров телефона.) Поэтому стала совершенно бессмысленной криминализации организации занятия проституцией (ст. 241 УК РФ), изготовления и оборота порнографических материалов или предметов (ст. 242 УК РФ). Существенно должна меняться и антинаркотическая политика, которую нельзя сводить к криминализации всего, что хоть как-то связано с наркотическими средствами, психотропными веществами или их аналогами (!).

Но есть, как всегда, и положительные следствия ухода подростков и молодежи в Интернет. Так, по результатам исследования американских криминологов, во время пика продаж видеоигр, включая различные «стрелялки», количество преступлений снижается на 30%. Это не удивительно: играя и побеждая в «стрелялках», подростки удовлетворяют природную потребность в самоутверждении, сокращая «самоутверждение» в преступных деяниях.

Развитие современных технологий ведет к непредсказуемым как позитивным, так и негативным последствиям. Полезно замечать выполнение тяжелых физических работ роботами, но при этом сохраняется опасность получить травмы или даже погибнуть из-за робота (компьютерной программы), когда тот ошибается (такие случаи уже наблюдались). Транспорт и авиация без водителей и экипажа выгодны и удобны, но и небезопасны.

Самое опасное в развитии технологий постмодерна – когда «цифровой мир» позволяет обеспечить государству/власти тотальный контроль над каждым членом общества. Речь идет, прежде всего, об опыте программы в КНР по определению и присвоению гражданам «социального рейтинга». Она принята в 2014 г. и к 2021 г. экспериментально реализовывалась более чем в 100 городах. Известным примером внедрения этой системы стал город Жунчэн: проживающим здесь гражданам были присвоены стартовые баллы, к которым за одобряемые поступки (например, сдачу донорской крови, хорошую кредитную историю) баллы прибавлялись, а за неодобряемые (например, нарушение ПДД) отнимались. В результате законопослушный гражданин получал бонусы и выгоды (мог арендовать велосипед без залога, записаться к врачу без очереди и т.д.). Напротив, у тех, кто не исполнял, например, финансовые обязательства, возникали сложности: вводился запрет на поездки на скоростных поездах, путешествия на самолете, заселение в дорогие отели и т.д. Фактически это – попытка тотального контроля над каждым жителем страны.

Похожие меры контроля есть и в других странах. Так, в США, согласно Антитеррористическому закону 1979 г., существует возможность «превентивного ареста» без обвинения

в совершении конкретного преступления [Гуринская, 2018]. Да и в России видеонаблюдение, прежде всего в Москве, обеспечивает достаточно полный контроль над жителями.

В результате «цифровизации» населению грозит тотальный контроль государства над каждым из нас – «оруэллизация» жизни (вспомним «1984» Оруэлла), когда каждый гражданин живет «под колпаком». В современном мире безусловно растет технологическая свобода (быстрое перемещение по планете, молниеносная связь по смартфону, скайпу, помощники-роботы и т.п.). Но намного сложнее обстоит дело с личной свободой, все более ограничиваемой «мерами безопасности». Дилемма «меры безопасности vs права и свободы человека» – в высшей степени актуальная и сложнейшая общемировая проблема.

Жизнь в двух мирах (реальном и виртуальном), различия в сознании представителей разных фрагментов населения, сложная жизнь «исключенных», относительно быстрые глобальные изменения всего и вся не могут не оказывать «расшатывающего» влияния на сознание людей, вплоть до «шизофренизации». Это проявляется не только в повседневно высоком уровне социальной напряженности, но и в психологических кризисах («безумствах толпы»), которые может сопровождаться вспышками немотивированной агрессии [Ениколопов, Кузнецова, Чудова, 2014], взаимной ненависти, преступлениями ненависти (hate crimes).

Творчество как позитивная девиантность. Одним из видов девиантности является его позитивное проявление – творчество (научное, техническое, художественное, литературное и др.). Парадокс в том, что у позитивной и негативной девиантности могут быть схожие причины, к тому же общество не всегда их правильно различает.

У каждого человека, осознает он это или нет, есть потребность в самоутверждении, самореализации. Эта потребность особенно сильна у молодых людей, возможности которых весьма ограничены (нет должного образования, профессии, жизненного опыта). Потребность в самоутверждении удовлетворяется либо в творческой, позитивной деятельности, либо, в случае неудачи, невозможности – в негативной («комплекс Герострата»). Согласно теории «двойной неудачи» [Мертон, 1966], человек старается самоутвердиться сначала в творческой – полезной, позитивной для общества – деятельности. Если это не удастся (первая неудача), то возможны попытки самоутвердиться в негативных, криминальных действиях. Но если и это не удастся (родители хорошо воспитали, полиция боится и т.д. – вторая неудача), тогда происходит «уход» – в алкоголь, наркотики, суицид.

Если творческие (новаторские) деяния и теории существенно отличаются от общепринятого, намного опережают время, то они нередко рассматриваются обществом, государством, как... негативные и преступные. Вот почему Сократ был приговорен к смертной казни, сожжены на кострах Ян Гус и Джордано Бруно, заточен Галилео Галилей. А сколько выдающихся ученых и писателей были вынуждены бежать из гитлеровской Германии, сколько были уничтожены в советских концлагерях (общезвестные примеры – поэт О. Мандельштам, экономист Н.Д. Кондратьев, генетик Н.И. Вавилов). Создателей нового, творцов, ненавидели подчас больше, чем реальных преступников.

Между тем, как свидетельствуют многочисленные исследования, чем больше людей удовлетворяют потребность в самоутверждении в творческой деятельности, тем меньше – в негативных девиациях, включая преступления. Существует, очевидно, «баланс социальной активности»: вся совокупность человеческой жизнедеятельности, с позиций оценок ее составляющих – это «правопослушная деятельность + негативные девиации + позитивные девиации (творчество)». И чем больше одного вида деятельности, тем меньше другого. Государство, предоставляя максимальные возможности для творческой деятельности, тем самым содействует сокращению негативных девиаций.

Перспективы развития девиантологии. Как видим, в современном мире постмодерна проблемы отклоняющегося, нормонарушающего поведения более чем актуальны. Приходится переосмысливать многие старые представления. Девиантность в некотором смысле становится «нормой», что не исключает пристального к ней внимания и необходимости разумного, хорошо обоснованного воздействия.

Между тем отечественная социология, включая социологию девиантности, переживает не лучшие времена. Любая наука – интернациональна, если она – Наука. К сожалению, Россия в целом и ее наука в частности становятся все более изолированными от быстро развивающегося мира. К тому же ликвидирован ряд бывших научных центров по изучению девиантных проявлений и разработке мер воздействия на них.

В то же время надо отдать должное научно-педагогическим учреждениям системы МВД РФ (Краснодарский университет МВД РФ, Санкт-Петербургский Университет МВД РФ), которые сегодня приняли эстафету изучения проблем девиантологии. Активно работает центр под руководством профессора Ю.А. Клейберга (Московская область). Но сегодня в России выходят только два журнала по проблемам девиантологии – это «Российский девиантологический журнал» Санкт-Петербургского Университета МВД РФ (главный редактор А.А. Реан) и «Вопросы девиантологии» (главный редактор Ю.А. Клейберг). Этого, конечно, недостаточно.

Остается надеяться на будущее – как на возвращение былой активности социологических научных учреждений страны по развитию отечественной девиантологии, так и на восстановление международных научных связей и проведение совместных исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андерсон П. Истоки постмодерна. М.: Территория будущего, 2011.
- Гилинский Я. Девиантность в обществе постмодерна. СПб.: Алетей, 2017.
- Гилинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 4 изд. СПб.: Алетей, 2021.
- Гилинский Я. Криминология и девиантология постмодерна. СПб.: Алетей, 2024.
- Гуринская А.Л. Англо-американская модель предупреждения преступности: критический анализ. СПб.: РГПУ, 2018.
- Еникиолопов С.Н., Кузнецова Ю.М., Чудова Н.В. Агрессия в обыденной жизни. М.: РОССПЭН, 2014.
- Жижек С. Размышления в красном цвете. М.: Европа, 2011.
- Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности. М.: Прогресс, 1966. С. 299–313.
- Проскурнина Н.Н. Использование в криминологических исследованиях классификации социально-демографических групп населения // Теоретические проблемы изучения территориальных различий преступности. Труды по криминологии. Тарту: ТГУ, 1985. С. 84–91.
- Селлин Т. Конфликт культур // Социология преступности (современные буржуазные теории). М.: Прогресс, 1966.
- Творчество как позитивная девиантность / Под ред. Я. Гилинского, Н. Исаева. СПб.: Алеф-Пресс, 2015.
- Ушакова Е.С. Суицидальные риски // Социологические исследования. 2008. № 2. С. 106–110.
- Черепанова М.И. Суицидальные риски: основные тенденции воспроизводства в ряде территорий России. Lambert Academic Publishing, 2012.
- Честнов И.Л. Постклассическая теория права. СПб.: Алеф-Пресс, 2012.
- Честнов И.Л. Правоприменение в эпоху постмодерна. СПб.: ИВЭСЭП, 2002.
- Akers R. Deviant Behavior: A Social Learning Approach. Belmont, California: Wadsworth, Inc., 1985.
- Downes D., Rock P. Understanding Deviance. A Guide to the Sociology of Crime and Rule-Breaking. 3rd ed. Oxford University Press, 1988.
- Higgins P., Butler R. Understanding Deviance. McGraw-Hill Book Company, 1982.
- Hirschi T. Causes of Deviance. Berkeley: University of California Press, 1969.
- Liazos A. The Poverty of the Sociology of Deviance: nuts, sluts and perverts // Social Problems, 1972. No. 20. P. 103–120.
- Schur E. Labeling Deviant Behavior: Its sociological Implication. Harper and Row, Publisher, 1971.
- Sumner C. The Sociology of Deviance. An Obituary. Buckingham: Open University Press, 1994.

Статья поступила: 9.01.24. Финальная версия: 27.05.24. Принята к публикации: 28.06.24.

POSTMODERN DEVIANTOLOGY: PROBLEMS AND PROSPECTS

GILINSKY Ya.I.

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Russia

Yakov I. GILINSKY, Dr. Sci. (Law), Prof. of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia (yakov.gilinsky@gmail.com).

Abstract. Although the sociology of deviance and social control has been actively developing abroad and in our country since the 1960–1970s, it lacks an understanding of current trends in the context of long-term changes in modern society. The author gives an overview of the consequences of the influencing main features of postmodern society (social inequality, mass migration, social fragmentation of society and, especially, the virtualization of life) on various manifestations of deviance – crime, drug addiction, prostitution, suicide, etc. Proposals are made for the further development of Russian deviantology as sociology of deviance and social control.

Keywords: postmodern, deviant behavior, deviantology, sociology of deviance.

REFERENCES

- Akers R. (1985) *Deviant Behavior: A Social Learning Approach*. Belmont, California: Wadsworth, Inc.
- Anderson P. (2011) *Origins of postmodernity*. Moscow: Territoriya buduschego. (In Russ.)
- Cherepanova M.I. (2012) *Suicidal risks: main trends in reproduction in a number of Russian territories*. Lambert Academic Publishing. (In Russ.)
- Chestnov I.L. (2002) *Law enforcement in the postmodern era*. St. Petersburg: IVESEP. (In Russ.)
- Chestnov I.L. (2012) *Postclassical theory of law*. St. Petersburg: Alef-Press. (In Russ.)
- Creativity as a positive deviance*. (2015) Ed. by Y. Gilinsky, N. Isaev. St. Petersburg: Alef-Press. (In Russ.)
- Downes D., Rock P. (1988) *Understanding Deviance. A Guide to the Sociology of Crime and Rule-Breaking*. Third Edition. Oxford University Press.
- Enikolopov S.N., Kuznetsova Yu.M., Chudova N.V. (2014) *Aggression in everyday life*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Gilinsky Ya. (2017) *Deviance in postmodern society*. St. Petersburg: Aletheia. (In Russ.)
- Gilinsky Ya. (2021) *Deviantology: sociology of crime, drug addiction, prostitution, suicide and other "deviations"*. 4th ed. St. Petersburg: Aletheia. (In Russ.)
- Gilinsky Ya. (2024) *Criminology and deviantology of postmodernity*. St. Petersburg: Aletheia. (In Russ.)
- Gurinskaya A.L. (2018) *The Anglo-American model of crime prevention: A critical analysis*. St. Petersburg: RGPU. (In Russ.)
- Higgins P., Butler R. (1982) *Understanding Deviance*. McGraw-Hill Book Company.
- Hirschi T. (1969) *Causes of Deviance*. Berkeley: University of California Press.
- Liazos A. (1972) The Poverty of the Sociology of Deviance: nuts, sluts and perverts. *Social Problems*, 1972. No. 20: 103–120.
- Merton R. (1966) Social structure and anomie. In: *Sociology of crime*. Moscow: Progress: 299–313. (In Russ.)
- Proskurnina N.N. (1985) Using the classification of socio-demographic groups of the population in criminological research. In: *Theoretical problems of studying territorial differences in crime. Works on criminology*. Tartu: TSU: 84–91. (In Russ.)
- Schur E. (1971) *Labeling Deviant Behavior: Its sociological Implication*. Harper and Row, Publisher.
- Sellin T. (1966) Conflict of cultures. In: *Sociology of crime (modern bourgeois theories)*. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Sumner C. (1994) *The Sociology of Deviance. An Obituary*. Buckingham: Open University Press.
- Ushakova E.S. (2008) Suicidal risks. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 106–110. (In Russ.)
- Zizek S. (2011) *Reflections in red*. Moscow: Europe. (In Russ.)

Received: 9.01.24. Final version: 27.05.24. Accepted: 28.06.24.